

Родители и взрослые дети: особенности взаимоотношений (по материалам зарубежных источников)

Егоров Р.Н.,

*аспирант кафедры возрастной психологии им. Л.Ф. Обуховой факультета психологии образования,
ФГБОУ ВО МГППУ, заместитель генерального директора, ООО «ВиР Трейд», Москва, Россия,
roego@yandex.ru*

Шаповаленко И.В.,

*кандидат психологических наук, заведующая кафедрой возрастной психологии им. Л.Ф. Обуховой
факультета психологии образования, ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия.
irin_vlad@mail.ru*

Традиционно большое внимание в научной литературе уделяется взаимоотношениям родителей и детей от младенческого до подросткового возраста. В настоящей работе представлен обзор иностранной литературы на тему взаимоотношений родителей и детей в период их вхождения во взрослую жизнь. Уделено внимание важности этих отношений и некоторым особенностям периода взросления детей (emerging adulthood). Рассмотрен ряд подходов и моделей, используемых для описания отношений родителей и взрослых детей; проанализированы факторы, определяющие различия в отношениях между детьми и их родителями на стадии взросления и сепарации детей, а также различные типологии этих отношений. Описаны некоторые закономерности детско-родительских отношений на стадии взросления детей. Обозначены методологические особенности организации исследований детско-родительских отношений. Выводы, сделанные на основе настоящего литературного обзора, могут быть полезны при проведении эмпирического исследования, а также в практике семейного консультирования.

Ключевые слова: детско-родительские отношения, взрослые дети, сепарация, контроль, стили родительского воспитания.

Для цитаты:

Егоров Р.Н., Шаповаленко И.В. Родители и взрослые дети: особенности взаимоотношений (по материалам зарубежных источников) [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2017. Том 6. № 2. С. 54—62. doi: 10.17759/jmfp.2017060206

For citation:

Egorov R.N., Shapovalenko I.V. Parents and Adult Children: Special Features of Relationships (following foreign sources) [Elektronnyi resurs]. *Journal of Modern Foreign Psychology*, 2017. Vol. 6, no. 2, pp. 54—62. doi: 10.17759/jmfp.2017060206 (In Russ., Abstr. in Engl.).

Большинство теорий, описывающих поведение человека, признают важность межличностных отношений в его жизни (А. Bandura, J. Bowlby, U. Bronfenbrenner, Е.Е. Массобы & J.A. Martin). Результаты исследований показывают исключительную значимость межличностных отношений и для физического, и для психологического благополучия [4; 11; 20].

Значимость детско-родительских отношений

Несмотря на многочисленные работы по изучению отношений с друзьями, соседями, одноклассниками, коллегами по работе, большинство авторов подчеркивает важность именно детско-родительских отношений — из-за их продолжительности и значения в жизни человека. Рост интереса исследователей к отношениям родителей со своими взрослыми детьми отмечается с 70—80 гг. XX века (В. Adams, V. Cicirelli, M. Field, S. Weishaus).

В работе А. Шапиро [21] отмечены два фундаментальных демографических сдвига, которые привели

к повышению значимости взаимоотношений родителей и их взрослых детей в США во второй половине XX века: значительное увеличение количества пожилых людей (связанное с повышением продолжительности жизни) и низкая рождаемость наряду с большим количеством разводов. Аналогичные демографические изменения отмечаются и в немецком обществе, при этом уход за стареющими родителями все чаще ложится на плечи взрослых детей [14].

Несколько десятилетий назад отношения между родителями и их взрослыми детьми рассматривались как продолжение отношений «родитель — ребенок», установленных в детстве (J. Bowlby, M.S. Mahler). Однако более современные исследования показывают, что эти взаимоотношения значительно изменяются по мере таких преобразований в жизни «ребенка» как, например, уход из родительского дома, трудоустройство, супружеские отношения, рождение и воспитание собственного ребенка [5; 12].

Зарождающаяся взрослость как самостоятельный период развития

Американский психолог J.J. Arnett в своих работах восполнил пробел в изучении развития молодых людей студенческого возраста (с 18 до 25 лет) [3]. Он выделил отдельный период развития между подростковым и взрослым возрастом — раннюю, или дословно, зарождающуюся взрослость (*emerging adulthood*). В ранней взрослости молодой человек получает высшее образование, занимается самоисследованием и определяется с планами на будущее. J.J. Arnett предложил пять характеристик ранней взрослости: изучение идентичности, лабильность, ориентация на себя, чувство неопределенности и переживание ряда возможностей. Также отмечается, что явление зарождающейся взрослости характерно только для развитых стран.

С ходом времени заметно растет возраст, в котором молодые люди создают собственную семью и обзаводятся детьми. Во многих европейских странах он достигает 30 лет [25]. Отмечается, что семейная общность (при совместном проживании родителей и взрослеющих детей) выполняет стабилизирующую функцию, защищает детей от экономической и психологической нестабильности [18]. Одновременно с этим может происходить затруднение процесса индивидуации взрослеющего ребенка [17].

Теоретические модели и подходы к изучению детско-родительских отношений

В иностранной научной литературе нередко в качестве теоретической основы для описания детско-родительских отношений применяется теория привязанности [13; 16]. Автор теории Дж. Боулби полагает, что привязанность представляет собой мотивационную систему, которая возникает из защитной функции родительского отношения.

Для описания отношений между родителем и ребенком также применяется теория социального контроля (I.F. Nye, T. Hirschi). Если теория привязанности объясняет, каким образом родители создают безопасную базу для социализации своих детей, то теория социального контроля показывает, как родители убегают своих детей от поведения, которое могло бы препятствовать их здоровому взрослению. Можно сказать, что оба подхода подразумевают позитивный эффект привязанности детей к родителям, достигаемый однако посредством противоположных механизмов («push and pull» — «толчок и удерживание») [7].

В некоторых работах для изучения семьи применялся системный подход [6; 15]. Согласно этому подходу, жизнедеятельность семьи нельзя понимать как сумму индивидуальных действий каждого ее члена. Семья представляет собой сложную систему взаимосвязанных и взаимозависимых личностей, которые не могут рассматриваться в отрыве от нее. Структура

семейной системы включает в себя супружескую, родительскую и сиблинговую подсистемы.

В рамках системного подхода встречается также циклическая модель Д. Олсона (D.H. Olson). Данная модель выделяет среди факторов жизнедеятельности семьи согласие и гибкость. Согласие относится к эмоциональной связи между членами семьи и отображает способ, с помощью которого семья находит баланс между разобщением и сплоченностью. Гибкость определяется как качество и выражение лидерства и организации, распределение ролей и стилей взаимодействия, характеризует способ, с помощью которого семья поддерживает стабильность.

Для описания отношений родителей и их взрослых детей применяются понятия теории индивидуации [22; 25]. Индивидуация представляется как процесс последовательного повышения от детства к взрослости уровня автономизации при стабильно высоком уровне привязанности. Привязанность описывается как уважение к родителям, желание им угодить, чувство долга по отношению к семье. В то же время автономность характеризуется независимостью от родительского влияния, авторитета. С точки зрения изменений в детско-родительских отношениях при переходе к взрослости процесс индивидуации сопровождается установлением равных отношений между родителями и детьми. Изменения в отношениях усиливаются, когда дети покидают родительский дом, обретают независимость (экономическую и психологическую) и устанавливают романтические отношения. Важную роль в успешном переходе к взрослой жизни играет баланс между борьбой за независимость от родителей и попыткой остаться с ними связанными.

Сравнительно недавно в изучении семей в старшем возрасте появился новый подход под названием межпоколенная амбивалентность. Этот подход возник из понимания сложности и многогранности отношений «родитель — взрослый ребенок» (M. Silverstein & R. Giarrusso). Доказано, что члены семьи испытывают друг к другу одновременно чувства любви и отторжения. В работе В. Schwarz [2] показан амбивалентный характер помощи, которую оказывают взрослые дети (дочери) своим матерям. С одной стороны, оказываемая помощь положительно связана с качеством отношений и семейными ценностями, но, с другой стороны, — вызывает у дочерей чувство несправедливости и переживание чувства обязанности.

В качестве теоретического конструкта, объясняющего взаимоотношения родителей и взрослых детей, применяются положения теории ролевой идентичности в рамках направления символического интеракционизма. В данной теории утверждается, что виды идентичности, чувство самости и даже Я-концепция происходят из общественных отношений путем взаимодействия социальных ролей (P.A. Thoits). Так, выход на пенсию означает потерю профессиональной ролевой идентичности, которая является важным личностным образованием для взрослого человека, и пожилой одинокий человек оказывается в условиях повышения

значимости родительской ролевой идентичности для самого себя.

Теория социо-эмоциональной селективности (L.L. Carstensen et al.) также подчеркивает увеличение ценности отношений с детьми для стареющих родителей. Исходными для данной теории являются положения о том, что человек самостоятельно выбирает себе цели в жизни, исходя из контекста (имеется в виду хронологический возраст, ощущаемые пределы жизненного времени); выбранная жизненная цель определяет поведение индивида. Так, в молодом возрасте, не ощущая конечности жизненного пути, человек отдает предпочтение целям, ориентированным на знания, а в пожилом — аффективно-ориентированным целям.

Модель «двойной динамики развития семьи» (G.A. Elder) предполагает изменения семейных взаимоотношений в ответ на индивидуальные изменения любого члена семьи. В то же время корректировка паттернов семейного взаимодействия изменяет индивидуальную траекторию развития каждого члена семьи.

Факторы и типологии детско-родительских отношений

В иностранной литературе, посвященной воспитанию детей (parenting), фокус внимания исследователей чаще всего направлен либо на факторы детско-родительских отношений, либо на их типологии [1; 16; 20; 24].

В разное время при описании взаимодействия между родителями и детьми был выделен ряд факторов, но ключевыми считаются поддержка и контроль, которые используются для оценки родительского поведения. С помощью фактора поддержки, который часто обозначается как теплота, отзывчивость, принятие, любовь и т.д., может быть описано поведение родителя, результатом которого становится чувство комфорта у ребенка, ощущение принятия его со стороны родителей. Фактор контроля, иногда обозначаемый как требовательность, определяет соответствующие действия родителей по отношению к детям.

На основе двухфакторной модели «поддержка-контроль» была создана типология стилей родительского воспитания (D. Baumrind, E.E. Maccoby & J.A. Martin), до сих пор не теряющая своей актуальности в научном мире. Авторами были описаны четыре стиля родительского воспитания: авторитарный (низкая поддержка, высокий контроль); попустительский (высокая поддержка, низкий контроль); авторитетный (высокая поддержка, высокий контроль); отвергающий (низкая поддержка, низкий контроль).

В более современной работе М. Ноеве et al. [16] для определения стиля родительского воспитания по отношению к подросткам использовались следующие измерения: привязанность (эмоциональная близость родителя); автономность (какими способами родитель вдохновляет ребенка на самостоятельность и независимость); требования послушания (насколько роди-

тель сосредоточен на послушании своего ребенка); наказание (насколько родитель использует наказание для воспитания ребенка); игнорирование (пассивный ответ родителя на то, что ребенок переходит границы); отзывчивость (насколько родитель внимателен к различным сигналам ребенка).

В работе L.M. Popov, R.A. Pesianmi [20] показано, что среди факторов, влияющих на взаимоотношения родителей и взрослых детей, выделяются: структура семьи (полная/неполная, нуклеарная/расширенная семья и т.д.), стиль воспитания, поведенческие характеристики ребенка (темперамент, нормативность поведения), гормональный фактор (наличие повышенного уровня тестостерона у отцов), социо-эмоциональный фактор (импульсивность отцов). Последние два фактора чаще затрудняют детско-родительские отношения.

Отмечается, что факторы родительского воспитания не стоит рассматривать по отдельности, поскольку взятые изолированно, они могут некорректно отражать природу и динамику детско-родительских взаимодействий (T.G. O'Connor, R. Atwood et al.). Гораздо чаще при изучении родительского отношения к ребенку используется многофакторный подход (D.V. Henry, P.H. Tolan & D. Gorman-Smith, J. Mandara).

Аналогично мультифакторным представлениям о природе детско-родительских отношениях, было показано, что вклад каждого из стилей родительского воспитания нельзя рассматривать как изолированный (B.K. Barber, S.L. Maughan, & J.A. Olsen).

В работе М. Матежевич et al. [15] показано, что паттерны функционирования семьи находят свое отражение в стиле родительского воспитания. Исходя из позиций системного подхода, супружеская и родительская подсистемы являются неделимыми, а для оценки вклада той или иной подсистемы необходимо определить модель функционирования всей семьи. Ведущими факторами, определяющими модель семейного поведения, оказались уравновешенная связь (cohesion) и уравновешенная гибкость.

Влияние внешних факторов на детско-родительские отношения

На детско-родительские отношения оказывают влияние такие внешние факторы, как возраст, пол, цвет кожи, классовая принадлежность, структура семьи [7].

Согласно исследованиям, проведенным в 80—90-е годы XX века в США, уровень близости отношений афроамериканских студентов со своими родителями значимо более высокий, чем у их светлокожих товарищей. Выявлено, что в семьях латиноамериканцев поколения являются наиболее сплоченными и менее склонными к конфликту; молодые люди азиатского происхождения обнаруживали низкий уровень семейного единства и частые конфликты с родителями (выборка более пяти тысяч иммигрантов).

Отмечается, что социальный класс (слой), к которому принадлежит семья, влияет на стиль родительского воспитания. Так, в своих работах А. Lagueau применяет понятие «совместного взращивания» («concerted cultivation») для описания воспитания детей в семьях среднего класса. Передача жизненно важных умений (навыки аргументации, умение отстаивать личные интересы и т.д.) происходит в соответствующей социальной среде, а усвоенные навыки помогают молодым людям в учебе и работе добиваться успеха на уровне своих родителей.

Дети бедных родителей и родителей из рабочего класса находятся в менее выгодном положении, поскольку родители зачастую взаимодействуют с детьми, применяя принцип «достижения естественного взросления» («accomplishment of natural growth»), который не включает ценности получения ребенком высшего образования и хорошего рабочего места. Так, получив отказ в приеме на работу, молодой человек, воспитанный с использованием «совместного взращивания», скорее всего, обратится к наемщику, чтобы оспорить отказ. Человек, выросший в условиях «достижения естественного взросления», будет склонен к тому, чтобы принять отказ без возражений.

Отмечается, что представления родителей о качестве детско-родительских отношений являются максимально позитивными в то время, когда их дети проживают ранний, дошкольный возраст. После того, как ребенок идет в школу, представления родителей о взаимоотношениях с собственными детьми ухудшаются [19].

Относительно велика роль гендерного фактора в отношениях родителей с детьми [4]. Матери более тесно связаны с дочерьми, чем с сыновьями; с наступлением ранней взрослости детей детско-родительские отношения улучшаются, причем эта зависимость проявляется сильнее во взаимодействии взрослого ребенка с матерью, чем с отцом (А. Thornton et al.). В исследовании (А.Н. Eagly) показано, что дочери более зависимы от родителей, менее полагаются на себя в отношениях с матерями, чем сыновья. При этом утверждается, что пол ребенка не влияет на зависимость детей от родителей [25]. Отмечаются количественные (время, проведенное вместе с детьми) и качественные различия в воспитательной практике матерей и отцов (Т.М. Videon). Отцы склонны проявлять заботу инструментального характера (помощь в деле, решение вопроса), а матери чаще проявляют эмоциональную заботу о ребенке.

В работах ряда авторов отмечается, что развод родителей отрицательно влияет на качество детско-родительских отношений, и период плохих отношений может длиться до наступления ранней взрослости у ребенка [6; 7; 20]. Была установлена связь между разводом родителей, качеством отношений с детьми и приспособлением диад (родитель — взрослый ребенок) к рождению ребенка в молодой семье [6].

Особенности взаимоотношений родителей и взрослых детей

При переходе от отношений «родитель-подросток» к отношениям «родитель — взрослый ребенок» рассматривают другие параметры, влияющие на эти отношения. На смену половому и физическому созреванию приходят территориальная и экономическая сепарация от родителей, романтические отношения, становление трудовой и родительской идентичности (А.Л. Greene & А.М. Boxer). Претерпевают изменения родительские ожидания относительно контакта с детьми, поддержки, совместной деятельности, выражения любви. Новые тенденции — увеличение эмоциональной близости между родителем и ребенком, снижение уровня конфликтности и интенсивности общения между родителями и детьми (А. Thornton et al.).

Исследование С.Д. Copeland [7] показало, что привязанность к родителям в юности оказывает не столь выраженное, но отрицательное влияние на обретение независимости взрослеющим ребенком, что идет вразрез с теориями привязанности и социального контроля. Объяснение этого явления, вероятно, кроется в тенденции усиления гиперопеки со стороны современных родителей, которая не приводит к здоровой сепарации. По мнению авторов исследования, независимость детей достигается в равной степени и благодаря, и вопреки детско-родительским отношениям.

Согласно результатам исследования М. Zupancic et al. [25], по мере взросления детей снижается чувство их близости к матери. Однако в работе К.М. Nomaguchi [19] отмечено отсутствие значимой связи между возрастом ребенка, показателями общего счастья, самооценкой родителей. В том же исследовании было отмечено значение совместного проживания: у родителей, дети которых проживают отдельно, отмечались более высокие показатели счастья и самооценки по сравнению с теми, кто проживает совместно. Можно говорить о том, что уход из родительского дома — нормативно ожидаемое событие в США.

В работе А.Д. Howell [9] изучалось расстояние, на которое уезжают взрослые дети, покидая родительский дом. Взрослые дочери после ухода склонны проживать ближе к родителям, чем сыновья. Дети с худшим здоровьем также селятся ближе к родителям, чем более здоровые дети. Было показано, что если взрослый ребенок проживает поблизости от родителей, то последние оказывают на него непосредственное влияние. Дети с более высоким доходом при наступлении сепарации живут на более далеком расстоянии от своих родителей, чем дети с меньшим доходом.

В работе S. Кoерке, J.J.A. Denissen [10] предложены модели траектории развития идентичности ребенка в зависимости от поведения родителей. Оптимальная модель предполагает частичную передачу полномочий от родителей к детям в течение подросткового возраста. В этом случае новая форма взаимодействия между родителями и взрослеющими детьми зарождается на

пересечении их взрослых идентичностей и представляет собой положительную эмоциональную связь, уважение индивидуальности друг друга. Дезорганизованный вариант развития событий может иметь место в случае проблем в идентичности родителя/ей. Расхождение между ожиданиями родителей и реальностью может привести к тому, что дети будут действовать от имени и в интересах родителей с целью достижения их (родительских) ожиданий (*delegation mode*; Н. Stierlin).

Родительское отношение оказывает влияние на принятие решения взрослых детей остаться или покинуть родительский дом: дети охотнее останутся дома, когда они ощущают своих родителей партнерами; дети раньше будут покидать родительский дом, если родители проявляют авторитарный стиль общения [12]. Отмечается, что это особенно характерно для молодых женщин.

В работе М. Tanis et al. [23] изучается стадия ухода детей из родительской семьи. После наступления территориальной сепарации использование родителями социальных сетей, в которых также были зарегистрированы и их дети, значительно возросло, достигая пика через полгода после разделения, а затем снижалось. Большая выраженность переживаний, связанных с уходом детей из семьи, связана с более частым использованием родителями интернета и социальных сетей для контакта с детьми.

Изучались стили разрешения конфликтных ситуаций родителями и детьми, при этом учитывались шесть типов (три прямых — компромиссный, сотрудничающий, прямое соперничество, три косвенных — избегающий, уступающий и непрямое соперничество (L.K. Guerrero, P.A. Andersen). Родители чаще использовали компромиссный, сотрудничающий и уступающий типы поведения, в то время как дети — соперничество и избегание [13]. Результаты объяснялись «эффектом зрелости», когда родители как более опытные личности в состоянии конфликта лучше контролируют негативные эмоции.

В другой работе получены результаты о влиянии супружеского статуса и пола взрослого ребенка на отношения с родителями [21]. Так, неженатые или разведенные взрослые дети чаще помогали и поддерживали своих родителей, чем женатые. Согласие в детско-родительских отношениях отмечалось чаще между матерью и ребенком, либо между родителем и ребенком одного пола (мать-дочь, отец-сын).

Использование модели межпоколенной общности (V.L. Bengtson & R.E.L. Roberts, W.S. Aquilino) позволило показать, что качество детско-родительских отношений с наступлением ранней взрослости у детей улучшается, особенно если дети имеют собственную семью. В этом случае родители ощущают большую близость к детям, проводят с ними больше свободного времени, отмечается меньшее количество конфликтов и проявлений контролирующего поведения. Эффект супружеского статуса детей на отношения с родителями может быть объяснен тем, что часто родители при-

нимают участие в свадебных приготовлениях, то есть становятся в некотором роде «проводниками» для своих детей во взрослую семейную жизнь. Однако родители взрослых детей отмечали снижение качества взаимоотношений с собственными детьми, ставшими родителями, а именно: уменьшение эмоциональной близости, увеличение конфликтности и борьба за власть в отношениях с детьми (внуками).

Развод в родительской семье оказывает влияние на детско-родительские отношения: разведенные отцы реже общаются с детьми и помогают им, чем женатые [7; 20]. Расторжение брака сильнее влияет на отношения «отец — взрослый ребенок», чем на отношения ребенка с матерью.

Некоторые методологические вопросы изучения отношений родителей и взрослых детей

Для изучения детско-родительских отношений важным является использование диадического анализа, при котором обработке подвергаются ответы и родителей, и детей. Так, при исследовании конфликтного поведения в семье родители чаще, чем дети обнаруживали безопасный тип привязанности, что связывалось с «эффектом опыта отношений» [13]. Применение анализа диады «ребенок-взрослый» можно встретить и в более ранних работах (А. Thornton et al.; W.S. Aquilino и т.д.).

Было замечено, что родители и дети по-разному воспринимают связь между поколениями, что в итоге дало свет новому подходу к изучению детско-родительских отношений — модели межпоколенной общности (*intergenerational solidarity*). Следствием различного восприятия, или разрыва между поколениями (*generation gap*) является то, что родители склонны более позитивно оценивать взаимоотношения с детьми, чем дети. Объяснение этого явления в США таково: восприятие межпоколенных отношений может систематически искажаться мотивационными характеристиками отдельного участника этих отношений (V.L. Bengtson & J.A. Kuipers). Природа искажения — в различии возрастных ценностей и мотивирующих предпосылок для разных периодов развития. Младшее поколение ощущает меньшую близость со старшими членами семьи из-за желания независимости и сниженного участия в жизни родителей. Старшее поколение находится в поисках генеративности и чаще стремится к сохранению преемственности поколений и участию в жизни детей. С возрастом разница интересов и мотивов родителей и детей нивелируется.

Тем не менее, лишь в отдельных исследованиях используются данные о диаде «родитель-ребенок», с учетом точек зрения обоих поколений [19]. Гораздо чаще исследования основываются на данных, полученных только при опросе детей [7; 8; 19; 25], реже — только родителей взрослых детей [23]. Вероятно, причина кроется в доступности получения эмпирического

материала. При этом степень вклада данных обоих поколений в детско-родительские отношения пока неясна.

Для получения данных, которые более полно описывают процессы, происходящие в динамике, в развитии, проводятся лонгитюдные исследования [7; 11; 16] наряду с исследованиями методом «поперечных срезов» [8].

Результаты исследований показывают, что практика родительского воспитания и качество детско-родительских отношений различаются по отношению к первенцу и к последующим детям (K.V. Guzzo, H. Lee). Так, для определения благополучия родителей за критерий определения стадии родительского цикла был взят возраст старшего ребенка, поскольку взаимодействие со вторым и последующими детьми является менее значимым для формирования родительского отношения, чем с первенцем [19].

Выводы

1. Исследователями отмечается важность отношений «родитель — взрослый ребенок» для качества жизни современной семьи, а также растущее значение этих отношений на фоне демографических изменений последних десятилетий в некоторых странах (США, ФРГ) [4; 5; 11; 13; 20].

2. В современной науке зарождающаяся «взрослость» («emerging adulthood») — это не только отдельный период развития (примерно от 18 до 25 лет), но и широкая область исследований, включающая в себя также и детско-родительские отношения в этот период. Отмечаются некоторые особенности этого возраста [3], приводятся данные, отражающие актуальную ситуацию, наблюдаемую в семьях с взрослеющими детьми [17; 18; 25].

3. Среди теоретических подходов и моделей, применяющихся для описания взаимоотношений родителей и взрослых детей, есть такие, в которых фокус внимания находится на ребенке, — это теория индивидуации, теория привязанности и т.д. [7; 13; 16; 25].

Также в этой области имеется группа подходов, которые сосредотачивают внимание на обоих участниках взаимодействия, на семье в целом, — например, системный подход, модель межпоколенной амбивалентности и др. [15]. Именно эта группа подходов представляется более адекватной для исследования взаимоотношений между родителями и их взрослеющими детьми.

4. При всем многообразии выделяемых факторов отношений «родитель — взрослый ребенок», [1; 15; 16; 20], основной для классификации стилей родительского воспитания продолжает оставаться двухфакторная модель (E.E. Maccoby & J.A. Martin), которая включает в себя принятие (любовь) по отношению к детям и контроль (требования) со стороны родителей. В зависимости от соотношения принятия и контроля выде-

ляют авторитарный, авторитетный, отвергающий и попустительский стили воспитания (D. Baumrind, E.E. Maccoby & J.A. Martin). Эталонным стилем воспитания считается авторитетный, остальные являются искажением адекватных отношений двух взрослых людей между собой «на равных». Стоит отметить, что зачастую статистическая проверка факторов детско-родительских отношений выявляла их корреляцию между собой, что, с одной стороны, говорит в пользу идеи о невозможности изоляции факторов друг от друга, а с другой стороны, является предпосылкой для того, чтобы считать отдельно взятый стиль семейного воспитания смешанным.

5. Описана группа внешних факторов (возраст, пол, цвет кожи, классовая принадлежность, структура семьи), оказывающих влияние на взаимоотношения родителей и их взрослых детей [7; 19; 20]. Несмотря на некоторую противоречивость данных о силе и характере их влияния на детско-родительские отношения, самыми важными параметрами считаются пол участников отношений и структура семьи. Совершенно ясно, что данные факторы должны учитываться при проведении исследования.

6. Выявлены некоторые закономерности взаимоотношений «родитель — взрослый ребенок». Вступление ребенка во взрослую жизнь сопровождается улучшением качества его отношений с родителями. Особенно значимым оказался фактор совместного проживания: родители, проживающие отдельно с взрослыми детьми, имели более высокие показатели психологического благополучия [19]. Наряду с этим, изменение характера проживания детей выступало следствием типа имеющихся взаимоотношений с родителями [12]. Важным негативным фактором отношений «родитель — взрослый ребенок» могут выступать проблемы идентичности одного из родителей [10]. Наличие или отсутствие собственных детей у взрослых детей также оказывает влияние на их взаимоотношения со своими родителями (W.S. Aquilino). Среди тенденций в типологии стилей семейного воспитания отмечают повышение частоты гиперопекающего поведения со стороны современных родителей [7].

7. Диадический подход представляется наиболее подходящим для определения характеристик взаимодействия родителей и детей [13]. Установлены систематические различия во взглядах на отношения со стороны родителей и детей (generation gap, W.S. Aquilino), однако при этом не существует модели, четко характеризующей вклад каждой стороны. По этой причине для определения характеристик, имеющих одностороннюю направленность (родительское отношение, родительская позиция и т.д.), целесообразно задействовать данные, полученные при опросе родителей. При этом информация о количестве и порядке детей, наряду с социальными факторами, может быть важной для объяснения обнаруженных закономерностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Стили семейного воспитания: отечественная и зарубежная классификация [Электронный ресурс] / Т.Л. Кузьмишина [и др.] // Современная зарубежная психология. 2014. № 1. С. 16—25. URL: http://psyjournals.ru/files/69040/jmfp_2014_1_n2_Kuzmischina.pdf (дата обращения: 24.07.2017).
2. Adult parent-child relationship: Relationship quality, support, and reciprocity / B. Schwarz [et al.] // Applied Psychology: An International Review. 2005. Vol. 54. № 3. P. 396—417. doi:10.1111/j.1464-0597.2005.00217.x
3. Arnett J.J. Emerging adulthood: A theory of development from the late teens through the twenties // American Psychologist. 2000. Vol. 55. № 5. P. 469—480. doi:10.1037//0003-066X.55.5.469
4. Ali S., Khaleque A., Rohner R.P. Pancultural. Gender Differences in the Relation Between Perceived Parental Acceptance and Psychological Adjustment of Children and Adult Offspring: A Meta-Analytic Review of Worldwide Research // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2015. Vol. 46. № 8. P. 1059—1080. doi:0.1177/0022022115597754
5. Bouchard G. How Do Parents React When Their Children Leave Home? An Integrative Review // Journal of Adult Development. 2014. Vol. 21. № 2. P. 69—79. doi: 10.1007/s10804-013-9180-8
6. Bouchard G., Doucet D. Parental divorce and couples' adjustment during the transition to parenthood: The role of parent—adult child relationships // Journal of Family Issues. 2011. Vol. 32. № 4. P. 507—527. doi:10.1177/0192513X10389304
7. Copeland C.J. Do parents matter? Parental attachment and its effect on becoming independent in emerging adulthood: Dissertation [Электронный ресурс]. Ann Arbor: Portland State University, 2010. 66 p. URL: <https://search.proquest.com/docview/597946793?pq-origsite=gscholar> (дата обращения: 24.07.2017).
8. Hill P.L., Burrow A.L., Sumner R. Sense of purpose and parent—child relationships in emerging adulthood // Emerging Adulthood. 2016. Vol. 4. № 6. P. 436—439. doi:10.1177/2167696816640134
9. Howell A.J. All in the family: Residential outcomes and family proximity: Dissertation [Электронный ресурс]. University of Cincinnati, 2014. 125 p. http://rave.ohiolink.edu/etdc/view?acc_num=ucin1415283636 (дата обращения: 26.05.2017).
10. Koepke S., Denissen J.J.A. Dynamics of identity development and separation-individuation in parent-child relationships during adolescence and emerging adulthood — A conceptual integration // Developmental Review. 2012. Vol. 32. № 1. P. 67—88. doi:10.1016/j.dr.2012.01.001
11. Kretschmer T., Vollebergh W., Oldehinkel A.J. Parent—child positivity and romantic relationships in emerging adulthood: Congruence, compensation, and the role of social skills // Behavioral Development. 2017. Vol. 41. № 2. P. 198—210. doi:10.1177/0165025415612228.
12. Kuhar M., Reiter H. Leaving home in Slovenia: A quantitative exploration of residential independence among young adults // Journal of Adolescence. 2014. Vol. 37. № 8. P. 1409—1419. doi:10.1016/j.adolescence.2014.05.011
13. La Valley A.G., Guerrero L.K. Perceptions of conflict behavior and relational satisfaction in adult parent-child relationships: A dyadic analysis from an attachment perspective // Communication Research. 2012. Vol. 39. № 1. P. 48—78. doi:10.1177/0093650210391655.
14. Luetzelberger T. Independence or interdependence. Norms of leaving home in Italy and Germany // European Societies. 2012. Vol. 1. № 1. P. 1—20. doi:10.1080/14616696.2012.717634.
15. Matejevic M., Todorovic J., Jovanovic D. Patterns of Family Functioning and Dimensions of Parenting Style // Procedia — Social and Behavioral Sciences. 2014. Vol. 141. P. 431—437. doi:10.1016/j.sbspro.2014.05.075.
16. Maternal and paternal parenting styles: Unique and combined links to adolescent and early adult delinquency / Hoeve M. [et al.] // Journal of Adolescence. 2011. Vol. 34. № 5. P. 813—827. doi:10.1016/j.adolescence.2011.02.004.
17. Mendonça M., Fontaine A.M. Late nest leaving in Portugal its effect on individuation and parent-child relationships // Emerging Adulthood. 2013. Vol. 1. № 3. P. 233—244. doi:10.1177/2167696813481773.
18. Moreno A. The transition to adulthood in Spain in comparative perspective: the incidence of structural factors // Young. 2012. Vol. 20. № 1. P. 19—48. doi:10.1177/110330881102000102
19. Nomaguchi K.M. Parenthood and psychological well-being: Clarifying the role of child age and parent-child relationship quality // Social Science Research. 2012. Vol. 41. № 2. P. 489—498. doi:10.1016/j.ssresearch.2011.08.001.
20. Popov L.M., Ilesanmi R.A. Parent-Child Relationship: Peculiarities and Outcome // Review of European Studies. 2015. Vol. 7. № 5. P. 253—263. doi:10.5539/res.v7n5p253
21. Shapiro A. Revisiting the generation gap: exploring the relationships of parent/child dyads [Электронный ресурс] // International journal of Aging and Human Development. 2004. Vol. 58. № 2. P. 127—146. URL: <http://www.jwalkonline.org/docs/Grad%20Classes/OA%20YA/articles/differences%20in%20reporting%20relationship.pdf> (дата обращения: 26.05.2017).
22. Stey P.C., Hill P.L., Lapsley D. Factor structure and psychometric properties of a brief measure of dysfunctional individuation // Assessment. 2014. Vol. 21. № 4. P. 452—462. doi:10.1177/1073191113517261.
23. Tanis M., van der Louw M., Buijzen M. From empty nest to Social Networking Site: What happens in cyberspace when children are launched from the parental home? // Computers in Human Behavior. 2016. Vol. 68. P. 56—63. doi:10.1016/j.chb.2016.11.005.
24. Tinajero A.T. Effective parental parenting among Hispanics: a quantitative analysis of parenting styles [Электронный ресурс]: Dissertation. Ann Arbor: Capella University. 2015. 94 p. URL: <http://search.proquest.com/docview/1711754340> (дата обращения: 26.05.2017)
25. Zupancic M., Komidar L., Levpuscek M.P. Individuation in Slovene emerging adults: Its associations with demographics, transitional markers, achieved criteria for adulthood, and life satisfaction // Journal of Adolescence. 2014. Vol. 37. P. 1421—1433. doi:10.1016/j.adolescence.2014.03.014.

Parents and Adult Children: Special Features of Relationships (following foreign sources)

Egorov R.N.,

postgraduate student of the developmental psychology chair by L.F. Obukhova, faculty of educational psychology,
Moscow State University of Psychology and Education, Deputy CEO, ViR Trade Ltd, Moscow, Russia,
roego@yandex.ru

Shapovalenko I.V.,

candidate of psychological sciences, head of the developmental psychology chair by L.F. Obukhova,
faculty of educational psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia,
irin_vlad@mail.ru

Traditionally scientific literature presents many investigations on relationship between parents and children of age from a newborn child to a teenager. This paper presents an overview of foreign literature on the relationship between parents and children in the period of their transition into adulthood. First, attention is paid to the importance of these relations and to some peculiarities of the period of children becoming adults and separating from parents. Some approaches and models used to describe the relationship of parents and adult children are considered; the factors that determine the differences in relations between children and their parents at the period indicated, as well as various typologies of these relationships, are analyzed. Some patterns of child-parent relationships during this period of family development are described. The methodological features of conducting research on child-parent interactions are indicated. The conclusions made on the ground of this literature review may be helpful when carrying out scientific investigation or during family counseling practice.

Keywords: parent-adult child relationship, emerging adulthood, separation, control, parenting style.

REFERENCES

1. Kuz'mishina T.L. et al. Stili semeinogo vospitaniya: otechestvennaya i zarubezhnaya klassifikatsiya [Elektronnyi resurs]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya*, 2014, no. 1, pp. 16—25. Available at: http://psyjournals.ru/files/69040/jmfp_2014_1_n2_Kuzmishina.pdf (Accessed 24.07.2017). (In Russ., Abstr. in Engl.).
2. Schwarz B. et al. Adult parent-child relationship: Relationship quality, support, and reciprocity. *Applied Psychology: An International Review*, 2005. Vol. 54, no. 3, pp. 396—417. doi:10.1111/j.1464-0597.2005.00217.x
3. Arnett J.J. Emerging adulthood: A theory of development from the late teens through the twenties. *American Psychologist*, 2000. Vol. 55, no. 5, pp. 469—480. doi:10.1037//0003-066X.55.5.469
4. Ali S., Khaleque A., Rohner R.P. Pancultural. Gender Differences in the Relation Between Perceived Parental Acceptance and Psychological Adjustment of Children and Adult Offspring: A Meta-Analytic Review of Worldwide Research. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 2015. Vol. 46, no. 8, pp. 1059—1080. doi:0.1177/0022022115597754
5. Bouchard G. How Do Parents React When Their Children Leave Home? An Integrative Review. *Journal of Adult Development*, 2014. Vol. 21, no. 2, pp. 69—79. doi: 10.1007/s10804-013-9180-8
6. Bouchard G., Doucet D. Parental divorce and couples' adjustment during the transition to parenthood: The role of parent-adult child relationships. *Journal of Family Issues*, 2011. Vol. 32, no. 4, pp. 507—527. doi:10.1177/0192513X10389304
7. Copeland C.J. Do parents matter? Parental attachment and its effect on becoming independent in emerging adulthood [Elektronnyi resurs]: Dissertation. Ann Arbor: Portland State University, 2010. 66 p. Available at: <https://search.proquest.com/docview/597946793?pq-origsite=gscholar> (Accessed 24.07.2017).
8. Hill P.L., Burrow A.L., Sumner R. Sense of purpose and parent—child relationships in emerging adulthood. *Emerging Adulthood*, 2016. Vol. 4, no. 6, pp. 436—439. doi:10.1177/2167696816640134
9. Howell A.J. All in the family: Residential outcomes and family proximity: Dissertation [Elektronnyi resurs]. University of Cincinnati, 2014. 125 p. Available at: http://rave.ohiolink.edu/etdc/view?acc_num=ucin1415283636 (Accessed 26.05.2017).
10. Koepke S., Denissen J.J.A. Dynamics of identity development and separation-individuation in parent—child relationships during adolescence and emerging adulthood — A conceptual integration. *Developmental Review*, 2012. Vol. 32, no. 1, pp. 67—88. doi:10.1016/j.dr.2012.01.001
11. Kretschmer T., Vollebergh W., Oldehinkel A.J. Parent—child positivity and romantic relationships in emerging adulthood: Congruence, compensation, and the role of social skills. *Behavioral Development*, 2017. Vol. 41, no. 2, pp. 198—210. doi:10.1177/0165025415612228.
12. Kuhar M., Reiter H. Leaving home in Slovenia: A quantitative exploration of residential independence among young adults. *Journal of Adolescence*, 2014. Vol. 37, no. 8, pp. 1409—1419. doi:10.1016/j.adolescence.2014.05.011

13. La Valley A.G., Guerrero L.K. Perceptions of conflict behavior and relational satisfaction in adult parent—child relationships: A dyadic analysis from an attachment perspective. *Communication Research*, 2012. Vol. 39, no. 1, pp. 48—78. doi:10.1177/0093650210391655.
14. Luetzelberger T. Independence or interdependence. Norms of leaving home in Italy and Germany. *European Societies*, 2012. Vol. 1, no. 1, pp. 1—20. doi:10.1080/14616696.2012.717634.
15. Matejevic M., Todorovic J., Jovanovic D. Patterns of Family Functioning and Dimensions of Parenting Style. *Procedia — Social and Behavioral Sciences*, 2014. Vol. 141, pp. 431—437. doi:10.1016/j.sbspro.2014.05.075.
16. Hoeve M. et al. Maternal and paternal parenting styles: Unique and combined links to adolescent and early adult delinquency. *Journal of Adolescence*, 2011. Vol. 34, no. 5, pp. 813—827. doi:10.1016/j.adolescence.2011.02.004.
17. Mendonça M., Fontaine A.M. Late nest leaving in Portugal its effect on individuation and parent-child relationships. *Emerging Adulthood*, 2013. Vol. 1, no. 3, pp. 233—244. doi:10.1177/2167696813481773.
18. Moreno A. The transition to adulthood in Spain in comparative perspective: the incidence of structural factors. *Young*, 2012. Vol. 20, no. 1, pp. 19—48. doi:10.1177/110330881102000102
19. Nomaguchi K.M. Parenthood and psychological well-being: Clarifying the role of child age and parent-child relationship quality. *Social Science Research*, 2012. Vol. 41, no. 2. P. 489—498. doi:10.1016/j.ssresearch.2011.08.001.
20. Popov L.M., Ilesanmi R.A. Parent-Child Relationship: Peculiarities and Outcome. *Review of European Studies*, 2015. Vol. 7, no. 5, pp. 253—263. doi:10.5539/res.v7n5p253
21. Shapiro A. Revisiting the generation gap: exploring the relationships of parent/child dyads [Elektronnyi resurs]. *International journal of Aging and Human Development*, 2004. Vol. 58, no. 2, pp. 127—146. Available at: <http://www.jwalkonline.org/docs/Grad%20Classes/OA%20YA/articles/differences%20in%20reporting%20relationship.pdf> (Accessed 26.05.2017).
22. Stey P.C., Hill P.L., Lapsley D. Factor structure and psychometric properties of a brief measure of dysfunctional individuation. *Assessment*, 2014. Vol. 21, no. 4, pp. 452—462. doi:10.1177/1073191113517261.
23. Tanis M., van der Louw M., Buijzen M. From empty nest to Social Networking Site: What happens in cyberspace when children are launched from the parental home? *Computers in Human Behavior*, 2016. Vol. 68, pp. 56—63. doi:10.1016/j.chb.2016.11.005.
24. Tinajero A.T. Effective parental parenting among Hispanics: a quantitative analysis of parenting styles: [Elektronnyi resurs]. Dissertation. AnnArbor: Capella University, 2015. 94p. Available at: <http://search.proquest.com/docview/1711754340> (Accessed 26.05.2017).
25. Zupancic M., Komidar L., Levpuscek M.P. Individuation in Slovene emerging adults: Its associations with demographics, transitional markers, achieved criteria for adulthood, and life satisfaction. *Journal of Adolescence*, 2014. Vol. 37, pp. 1421—1433. doi:10.1016/j.adolescence.2014.03.014.